

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

К 90-летию
со дня рождения
Платона Ойунского

Исполнилось 90 лет со дня рождения Платона Алексеевича Ойунского (Слепцова), основоположника якутской советской литературы, активного революционера и государственного деятеля. Эта знаменательная дата широко отмечается литературной общественностью. Сегодня мы публикуем воспоминания о Платоне Ойунском народного писателя Якутии Н. Мординова, стихи якутского поэта Л. Попова, посвященные П. Ойунскому, и фрагмент воссозданного П. Ойунским народного эпоса Якутии «Олонхо» — «Нургун Боотур Стремительный».

Леонид ПОПОВ

Памяти

Платона Ойунского

Земная глубь родит базальт,
Волна рождается от ветра,
Рождает молнию гроза,
А революция — поэта.

Народ в ночи полярный спал,
Был сон как обмороч глубокий.
Народ ты словом пробуждал,
Призывным бубном били строки.

— Вставайте, люди! Тьме конец! —
Звучал твой голос на рассвете. —
Огнем пылающих сердец
Остатки темноты рассеял!

Твои стихи... Я жил по ним,
Я повторял их беспрестанно,
Я знал, как имена родни,
Все звуки «Красного шамана».

Я подражать тебе хотел,
Копировал смешно и слепо —
Строка тянулась на листе
Младенческим нервным следом,

Но не пропал ребячий пыл —
Свои голосовые связки
Твоим стихом я укрепил
И не охрип в словесной схватке.

Мы песни новые поем —
Вершится жизнь и длится творчество,
Но имя светлое твоё
Для нас, поэтов, стало отчеством.

ЯКУТСК

С якутского.
Перевод Е. СЕРГЕЕВА

Платон ОЙУНСКИЙ

Мать - Земля

(Фрагмент эпоса

«Нургун Боотур Стремительный»)

Прикреплена ли она к полюсу
Стремительно гладких, белых небес —
Это неведомо нам;
Иль на плавно вертящихся в высоте
Трех небесных ключах
Держится нерушимо она —
Это еще неизвестно нам;
Иль над гибельной бездной глухой,
Сгущенным воздушным смерчем

взмечена,

Летает на крыльях она —
Это не видно нам;
Иль кружится на вертлюге своем
С песней жалобной, словно стон —
Этого не разгадать...

С такой твердыней под пятой,
Нажимай — не колыхнется она!
С такой высоченной хребтиной крутой,
Наступай — не прогнется она!
С широченной основой такой,
Ударяй — не шатнется она! —
Осьмикрайняя, на восьми ободах,
На шести незыблемых обручах,
Убранная в роскошный наряд,
Обильная щедростью золотой,
Гладкоширокая, в ярком цвету,
С восходяще-пляшущим солнцем

своим,

Взлетающим над землей:
С деревьями, роняющими листву.
Падающими, умирая,
С шумом убегающих вод,
Убывающих, высыхая;
Расточающимся изобильем полна,
Возрождающимся изобильем полна,
Бурями обуюнная —
Зародилась она,
Появилась она —
В незапамятные времена —
Изначальная Мать-Земля...

С якутского
Перевод В. ДЕРЖАВИНА

О ЧЕНЬ много лет прошло с того далекого дня, а вот помню все так отчетливо, будто случилось вчера. Учился я тогда в Якутске, в педагогическом техникуме. И вдруг прошел слух, что в город прилетает аэроплан. Аэроплан? Что это? — думаю. Никто из якутов и слова такого не знал. Кто-то объяснил, что на аэроплане люди по небу летают, и вот сегодня прилетят на нем гости, и будет митинг на большом лугу. Вместе со всеми поспешил я туда.

Народа было уже полным-полно. Огляделся, увидел трибуну, протолкался к ней поближе, подумал, что отсюда аэроплан, наверное, и будет виден.

На трибуне человек стоит, молодой, круглолицый, красивый, осматривает толпу, похоже, кого-то ищет. Потом рукой взмахнул, крикнул:

— Платон, а, Платон!

— Это Максим Аммосов, — шепнул мне товарищ, стоявший со мной рядом.

Кто ж не знал в Якутии имени Максима Аммосова, председателя Совнаркома, а вот видеть его мне пришлось впервые.

— А это Платон Ойунский, — продолжал шептать мне товарищ, кивая головой на невысокого человека, поднявшего руку на трибуну и пожимавшего руку Аммосову.

— Я знаю Платона, — ответил я, хотя это было не совсем точно. Просто довелось мне уже видеть однажды Председателя нашего якутского ЦИКа. Когда я учился в интернате в Черкее, откуда родом был Ойунский, он приезжал туда.

Помню, как я удивился, увидев его. В свои четырнадцать лет, много наслышанный о его подвигах, я представлял себе Платона в виде сказочного богатыря, огромного, с горящими глазами... А он оказался невысоким, белолицым, ну, совсем обыкновенный. Увидел я его на митинге, где он выступал. Но когда он заговорил, то словно вырос и как бы стал ровень с выдуманной мной богатырем — таким красивым, отважным, горячим вдруг стал он.

Мне запомнилась его речь, вдохновенная, ритмическая, точно былинная:

«На матери-земле, на всем неоглядно широком ее просторе, живет наше человеческое племя. Оно разделилось на два непримиримо враждебных класса: на бедных и богатых... Мы живем дорогие товарищи, в такое время, когда эти классы вступили в последний, кровавый, смертный бой: кто — кто!»

Тогда я, конечно, не очень понимал, о чем говорит Ойунский, но слова его запомнились, взволновали... Ведь Платон Алексеевич и в ту пору был уже легендарной личностью для якутов, сколько рассказов ходило в народе о том, как он боролся с богатырями за Советскую власть! А потом, после революции, популярными стали песни Платона Ойунского, молодежь пела их постоянно. И «Интернационал», которым открывались все митинги и собрания, перевел на якутский язык Платон.

...И вот снова я увидел Ойунского. Он мало изменился за это время, только, пожалуй, чуть похудел, побледнел. Было ему тогда немногим больше тридцати лет.

Все смотрели в небо, ждали появления аэроплана. Какой он — я плохо представлял. И вдруг послышалось мерное стрекота-

ТАКОЙ БЫЛ ЧЕЛОВЕК

СТРАНИЦЫ ВОСПОМИНАНИЙ

Николай МОРДИНОВ

ние, и вдали в небе показалась черная точка. Она росла, становилась все больше и больше. Толпа взволнованно переговаривалась. Наконец над зеленым лугом, прямо над нашими головами полпыло что-то странное, крестообразное. Люди затаив дыхание смотрели, как аэроплан снизился, коснулся колесами зеленой травы. Так вот какой он!

Вскоре начался митинг. Я слушал ораторов и поглядывал на Ойунского и Аммосова. Их лица сияли радостью, и Платон больше не выглядел усталым...

А некоторое время спустя начались наши встречи с Ойунским, а потом — и дружбу. В техникуме я и мои товарищи сочиняли стихи. Читали их друг другу, спорили. Постепенно образовался у нас литературный кружок, который мы назвали «Красная звезда».

Конечно, нам хотелось разговаривать о своих стихах не только друг с другом, но и с людьми более опытными. И кому-то пришла мысль попросить прийти на наши занятия Ойунского. Он ведь был не только Председателем ВЦИКа, но и зачинателем якутской литературы.

Платон Алексеевич вошел в комнату, поставил на стул большой, опоясанный двумя ремнями портфель, сказал так, как будто мы давно знакомы:

— Здравствуйте! Вы уже в сборе? Тогда давайте побеседуем.

Ойунский долго разговаривал с нами в тот день. Он советовал обучить народ грамоте. Очень тепло отзывался об известных тогда якутских писателях А. Е. Кулаковском, А. И. Софронове, Н. Д. Неустроеве, в конце же заметил:

— А будущее якутской литературы — это вы.

То, что признанный поэт Якутии отнесся к нам так уважительно вселило в нас новые силы и желание писать.

Платон как-то особенно умел разговаривать. Вроде бы никаких особенных слов он не произносил, а на душе после этого становилось светло, ясно, хотелось работать, творить. Я бы сказал, что у него был талант закипать сердца. Подкупало и его доверчивое отношение к людям, с которыми он общался. Он редко утверждал что-либо безапелляционно, а чаще как бы совещался с человеком, и тот очень скоро становился на его точку зрения.

Вспоминается такой случай. Член нашего литературного кружка Архип Абагинский отнес Платону Алексеевичу толстую тетрадь со своими стихами. Узнав об этом, мы сочли этот поступок неслыханной дерзостью, а самого Архипа — лишением скромности. Отнимать время у такого занятого человека, как Ойунский! Все это мы высказали Архипу, и, когда наступил день, который ему назначил Платон Алексеевич, он отправился к нему совершенно удрученный. А вернулся, к нашему общему удивлению, веселый и счастливый: Ойунский читал его стихи!

— Вот! Вот! — кричал он, размахивая тетрадью. — И все написал.

Мы буквально вырвали у него из рук тетрадь и были потрясены: рядом с каждым стихотворением убористым почерком Ойунского были сделаны замечания и даны оценки. А в конце тетради — короткий разбор сочинений начинающего поэта.

К тому времени некоторые мои рассказы и статьи были опубликованы в областной газете «Молодежь Севера», и я намеревался ехать в Москву и поступать в Государственный институт журналистики. Но получилось так, что я стал студентом II Московского государственного университета. Было тогда такое учебное заведение. Я целиком окупился в московскую студенческую жизнь, но связи с родиной оставались прочными, и я знал обо всем, что происходило дома. В ту пору Платон Ойунский (он был тогда нарком просвещения и здравоохранения Якутии) переживал нелегкое время. Нашлись критики, которые упрекали его в чрезмерном увлечении старинными легендами и преданиями, якутским олонхо, пеняли ему, что, дескать, нежего советскому писателю популяризировать «обветшалые формы». Жизнь доказала неверность этих соображений.

В 1931 году Ойунский приехал в Москву и поступил в аспирантуру. В 1934 году Якутская писательская организация избрала его и меня делегатами на Первый съезд писателей СССР. На заседания мы ходили вместе, сидели рядом. Много разговаривали, и я гордился, что он держался со мной как с равным.

Съездом руководил Алексей Максимович Горький, к которому Ойунский относился с особым уважением и любовью. В начале каждого заседания он очень волновался, если не видел Горького: «Неужели заболел?» И радовался, когда Алексей Максимович занимал свое место. Я разделял его чувства к великому пролетарскому писателю, мечтал пожать Горькому руку и сказать ему о своем восхищении его творчеством.

И вот однажды, когда я снова заговорил об этом, Платон сказал:

— Давай, Николай, подойдем к нему!

— Что вы, что вы, — запротестовал я. — Как можно? А что мы ему скажем?

— Пойдем, пойдем. Пожмем ему руку, пожелаем доброго здоровья...

Я совершенно оробел, но Ойунский, стремительно встав, с упреком сказал:

— Эх ты! Тогда я один пойду!

Я вскочил, ринулся за ним, скорее, пожалуй, желая остановить его... Никогда не забыть мне улыбку Алексея Максимовича, тепло его ладони.

Вот так это было, но Ойунский, со свойственной ему скромностью, в своих воспоминаниях инициативу встречи с Горьким целиком приписал мне.

Тогда на съезде Ойунский был избран членом правления

Союза писателей СССР. С того времени он стал также руководителем писательской организации Якутии.

А в 1935 году он защитил кандидатскую диссертацию и вернулся в Якутск. Он всегда говорил, что просвещение якутского народа — это самое главное для писателя, и страстно боролся с неграмотностью и необразованностью, которые были тогда обычным явлением среди якутов.

Хотя Ойунский и являлся патриархом якутской литературы (это в свои сорок с небольшим лет!), он всегда с интересом выслушивал наше мнение о своих новых произведениях, спокойно относился к замечаниям. Если не согласен, объяснит, почему. Сам он был человеком открытого характера и эту черту ценил в других людях. В последние годы его жизни я был его заместителем по Союзу писателей Якутии; связывала нас не только работа, но и дружба.

Платон, как и всякий якут, страстно любил охоту. Впрочем, пожалуй, охота заключалась для него не столько в добыче дичи, сколько в общении с природой.

Иногда сидение у костра продолжалось до глубокой ночи, а то и до рассвета. Глядя на него, немолодого, болезненного вида человека, а он с детства страдал болезнью легких, я вспоминал легенду — не легенду, слышанную мной в детстве:

«Как только свергли царя, собрались в Якутске тойоны — богатеи всех улусов нашего края. Судили, редили как жить теперь. И вдруг врывается наш таттинец, сын Хоочугура Платона Слепцова с бедняками и говорит: «Хватит! Теперь мы, бедняки, сами будем бороться за свое счастье». И разогнал Платон собрание тойонов...»

Потом прошел слух: Платон во главе неисчислимого красного войска ворвался в Якутск, разогнал богачей, а их имущество раздал беднякам...

И новый слух: Якутск опять захватили белые. Они схватили Платона и расстреляли его у Муугинского креста недалеко от города...

Но неверной оказалась эта весть — остался жив Платон. А чуть позже якутский народ пел песню, неведомо кем сложенную, о Платоне Слепцове, сыне Хоочугура, народном герое, которого якуты звали Платон Ойунский...

Был ты в изгнании,
Попал ты в беду,
А сейчас мы встречаем
С песней и флагом тебя,
Наш брат, Платон...
С радостью и ликованием
Встречаем тебя.
Дорогой Алексеевич!
За нашу Советскую власть
Ты храбро сражался,
Со славой встречаем тебя,
Слепцов, наш товарищ

и друг.
Из битвы с зрагами
С победой вернулся ты,
Наш старший брат
Платон Алексеевич

Ойунский.

...Языки пламени лениво лижут ветки, отблески огня отражаются в глазах Ойунского, неторопливо льется его речь. Я слышу его голос и мотив старой песни и чувствую себя счастливым, что жизнь подарила мне встречи с таким человеком.

ЯКУТСК